

Генри Лайон Олди

Сын Черной Вдовы

*Часть сборника
Смех дракона (сборник)*

Tribute

Генри Олди
Сын Черной Вдовы

«Автор»

2006

Олди Г. Л.

Сын Черной Вдовы / Г. Л. Олди — «Автор», 2006 — (Tribute)

«Тьма клубилась плотным облаком, текла вязкими струями, обволакивала. Сколько ни напрягай зрение – все равно ничего не увидишь. Но Краш уже знал: если, наоборот, расслабиться, перестать до рези в глазах всматриваться в окружающий мрак и зажмуриться, оставив лишь крошечные щёлки между век – тьма начнет твердеть, застывая подобно черному воску. Тогда, спустя дюжину ударов сердца, можно будет разглядеть стены пещеры, сочащиеся влагой, плиту из полированного гранита, закрывающую вход, и широченный лаз под потолком, откуда едва ощутимо веет теплым воздухом с легким запахом мускуса...»

© Олди Г. Л., 2006

© Автор, 2006

Генри Лайон Олди

Сын Черной Вдовы

Tribute to Robert E. Howard

Тьма клубилась плотным облаком, текла вязкими струями, обволакивала. Сколько ни напрягай зрение – все равно ничего не увидишь. Но Краш уже знал: если, наоборот, расслабиться, перестать до рези в глазах всматриваться в окружающий мрак и зажмуриться, оставив лишь крошечные щёлки между век – тьма начнет твердеть, застывая подобно черному воску. Тогда, спустя дюжину ударов сердца, можно будет разглядеть стены пещеры, сочащиеся влагой, плиту из полированного гранита, закрывающую вход, и широченный лаз под потолком, откуда едва ощутимо веет теплым воздухом с легким запахом мускуса.

И еще – тлена.

Это умение – видеть в темноте – пришло к нему недавно. Три дня назад? Четыре? Неделью? Краш не знал точно. Он потерял счет времени. Поначалу он пытался считать дни своего заточения: кажется, еду и воду приносили раз в сутки, хотя он был не вполне в этом уверен. Но после пятнадцатого или шестнадцатого явления молчаливого тюремщика он сбился со счета. Числа в голове стали путаться, и в конце концов Краш бросил это бесплодное занятие. В конце концов, какая разница, сколько он здесь: три недели, месяц или больше?

Вот «темное зрение» – другое дело. Возможно, с его помощью когда-нибудь удастся бежать из мрачных подземелий Шаннурана.

Отчетливое и резкое, как удар бича, «когда-нибудь» явилось внезапно, ничуть не удивив маленького узника. Будь он взрослее, он бы задумался, откуда взялись сомнения, придя на смену былой уверенности, но Крашу исполнилось всего десять лет. Или одиннадцать? С числами определенно творилось что-то неладное.

Неладное творилось не только с числами, но и с самим Крашем, просто мальчик этого не понимал. А чудеса с глазами, видящими в темноте, счел делом обычным, не стоящим раздумий. В плену он находится долго, глаза мало-помалу привыкли...

Едва придя в себя после безумного кошмара, куда его без жалости швырнули руки подземных воинов-а'шури, он мыслил лишь о побеге. Побеге – и сладкой мести. Он вырвется из адских темниц Шаннурана, доберется до столицы Аккарии и расскажет людям о страшной участи, постигшей их деревню... Да, и еще, конечно, о несметных сокровищах, хранящихся в пещерах а'шури! Король Этнагон возрадуется и двинет на врага свою непобедимую армию! Пускай не для того, чтобы покарать зловещую расу, изрывшую тоннелями корни гор; пусть ради сокровищ – главное, погубителям деревни придет конец!

А если Крашу не поверят, он найдет могущественного мага, напросится к нему в ученики – ради мести он согласен обречь собственную душу на заточение в нефритовом зеркале! – и когда выучится, громами и молниями обрушит своды пещер на головы а'шури!

Для начала требовалась суцая безделица: удачный побег.

...В первый же день мальчик на ощупь обследовал дверь и стены. В итоге он убедился, что его сил не хватит на то, чтобы отодвинуть гранитную плиту, даже если ее и не запирает снаружи некое хитроумное устройство. Влажные стены в известковых потеках лишили Краша надежды на тайный ход. Но мальчик не отчаялся. Может быть, ему удастся проскользнуть мимо стража, когда тот принесет еду?

Краш с наслаждением убил бы тюремщика. Увы, в одиночку и без оружия ребенку не одолеть взрослого воина. Зато в проворстве он вполне мог потягаться с угрюмым стражем. Едва гранитная плита со скрежетом двинулась с места, узник рванулся вперед. Миновав опе-

шившего тюремщика, он не успел сделать и трех шагов, как оступися в непроглядном мраке, царившем не только в пещере, но и за ее пределами, полетел вниз по гладким ступеням и чудом не свернул себе шею.

Очнулся Краш на прежнем месте. Вскоре он обнаружил, что в наказание за попытку бежать его оставили без еды. На полу стояла лишь глиняная плошка с водой: а'шури не собирались уморить юного пленника жаждой. Но поголодать дерзкому придется – для вразумления.

Мальчика терзали опасения, что голодом кара не ограничится. Возможно, его избьют или подвергнут мучительным пыткам? Нет, ничего подобного не случилось. Никто не явился истязать беглеца: о нем словно забыли. Тело, избитое о ступени при падении, ныло, но кости были целы. Дуря от скуки, густо замешанной на страхе, Краш вновь начал обследовать пещеру – и обратил внимание на слабый ток теплого воздуха, идущий откуда-то сверху.

Неужели там есть путь к спасению?!

Он попытался вскарабкаться по скользкой стене. С третьего или четвертого раза это ему удалось. Краш подтянулся, уцепился пальцами за шершавый край тоннеля – камень был на удивление сухим – и в следующий миг его накрыла волна беспредельного, физически ощутимого ужаса, швырнув обратно на пол темницы. Без сомнения, ужас выплеснулся из тоннеля, которым мальчик наивно решил воспользоваться для бегства!

Вслед за безотчетным и необъяснимым ужасом, сжавшим внутренности в один пульсирующий комок и вызвавшим у Краша безостановочную икоту, из тоннеля надвинулся шелест – сухой и ритмичный. Казалось, чешуйчатый змей-гигант, реликт ушедших в небытие эпох и эонов, приближался сейчас к пленнику, мигом покрывшемуся холодным потом.

Увы, это был не змей.

По тоннелю двигалась Черная Вдова.

Краш уже имел несчастье видеть ее однажды – и едва не лишился чувств от омерзения. А может, и лишился – он плохо помнил.

Шорох за каменной дверью вырвал его из воспоминаний.

Она?!

Нет. Она приходит с другой стороны, из глубин преисподней, откуда в лабиринт Шаннурана плывет ослабленный жар геенны. Из-за этого здесь вечно царит противоестественная, влажная духота. А дверь открывают люди. А'шури, Пасынки Черной Вдовы, как они себя называют.

Похоже, а'шури сами боятся своей жуткой «мачехи»!

Краш оскалился в злорадной улыбке. Да, бояться! А вот он ее больше не боится. Ни капельки. Ну, почти ни капельки...

Он различил тихое шлепанье босых ног по ступеням, на которых едва не разбился вдребезги. В последнее время не только зрение – слух и обоняние мальчика тоже сильно обострились, выйдя за грань человеческих качеств.

Скрежет гранитной плиты резанул по ушам. Знакомый страж – Краш различал его во тьме, как приземистую мощную фигуру, сотканную из тускло-багровых отблесков – принес скудную порцию еды и плошку с водой. Еды мальчику всегда не хватало. Сперва он заподозрил, что это – часть пытки, но скоро узнал, почему его держат впроголодь. А'шури хотят, чтобы он питался *млечным соком*. Ему не оставили выбора.

Вернее, выбор был: умирать, медленно угасая от голода и жажды. Но Краш хотел жить. Когда-нибудь он выберется отсюда...

Сейчас, зная, в какой стороне находятся ступени, ведущие в глубину подгорного лабиринта, он, пожалуй, рискнул бы на повторное бегство. Проскользнуть мимо тюремщика и, пользуясь умением видеть в темноте, ринуться по тоннелям вверх...

Это шанс, пусть и не слишком большой.

Краш остался на месте. Дождался, пока плита встанет на место, и жадно набросился на еду, пальцами выгребая из миски склизкую массу и отправляя ее в рот. Грибы, коренья, лохмотья вареного мяса... Поначалу он даже представить боялся, чье мясо варилось в котле а'шури. Сейчас же такие пустяки его не волновали. Надо выжить, выжить любой ценой, набраться сил, окрепнуть – и тогда...

Еще недавно Краш воспользовался бы малейшим шансом – тенью! призраком шанса! – лишь бы вновь обрести свободу! Неужели он поумнел за время, проведенное в темнице? Или стал робким трусом? Нет, осторожность имела другую природу. Подспудные изменения затронули не только слух и зрение, обоняние и осязание. Что-то творилось с разумом, с сердцем, с самой душой мальчика.

Он больше не хочет убежать?

Конечно, хочет! И обязательно убежит!

Когда-нибудь...

Мальчик доел остывшее варево, тщательно облизал пальцы, затем – миску, и отхлебнул воды из плошки. Воду следовало беречь. Неизвестно, когда он получит очередную возможность вдоволь насосаться млечного сока, который – и еда, и питье одновременно. Сок не такой уж гнусный на вкус, как показалось вначале. Или он привык? Еда тоже больше не вызывает тошноту. Ну, пованивает слегка тухлятиной – что с того? Есть можно. А грибы попадаются вкусные...

Снова шорох.

Почудилось? Краш прислушался. Нет, ничего похожего на знакомый шелест чешуи и ритмичное царапанье когтей по шершавому камню. Выбрав место посуше, он улегся на теплый пол пещеры и стал вспоминать, как судьба швырнула его в объятия Черной Вдовы.

...А'шури напали на деревню безлунной ночью, когда небо затянула мгlistая пелена туч, и даже свет далеких звезд не достигал забывшейся тревожным сном долины. Что-то носилось в воздухе в последние дни, неясное предчувствие беды, дыхание неотвратимости. Ах, будь это простой разбойничий набег! Разбойникам нужна добыча, и деревня получила бы возможность откупиться.

Налетчики тоже нуждались в добыче, но совсем иного рода. Они не оставили земледельцам ни единого шанса. Возможно, кому-то удалось спастись бегством, хотя вряд ли. Воины-а'шури видели в темноте, как совы. Теперь Краш и сам обладал «темным зрением», но, как говорится, дорог нож к резне...

Его разбудил отчаянный крик, полный муки и ужаса. Еще не до конца проснувшись, Краш ощутил, что ночь снаружи полна звуками: лязг металла, топот ног, надсадное дыхание... Зашелся лаем цепной кобель Бортус. Лай почти сразу оборвался, на смену ему пришли крики людей, треск, хриплые проклятия. За стеной тяжело шагнул к двери отец.

Скрип петель.

– Вставайте! Бегите к лесу! Я их задержу!

Взвизг стали, влажный хруст.

– Получай, ублюдок! Давайте, подходите! Мой меч заждался! Ланга, Краш, Нитта – скорее! Бегите!

Краш вскочил с лежанки, ухватил за руку сестренку – та спросонок терла кулачками глаза – и бросился к выходу.

– Краш, Нитта?!

– Мы здесь, мама!

– Бегите!

Ночь плеснула в лицо жирной копотью мрака, разорванного охристым пламенем. Во дворе жарко поыхала копна сена. Краш понял: копну, бросив факел, поджег отец, потому

что нападавшим свет был не нужен. А'шури смутными тенями скользили за пределами освещенного круга, подбираясь к хозяину дома. Отец стоял в двух шагах от двери, занеся над правым плечом окровавленный меч. У ног его в черно-бурых маслянистых лужах скорчились два мертвых тела.

Боевое безумие мало-помалу овладевало отцом, в прошлом – единственным из телохранителей лорда Плимута, кто выжил после Адрасского мятежа.

– Уходите...

Отец произнес это, не оборачиваясь, спиной почуяв семью, в страхе замершую на пороге. Голос его напоминал рычание медведя, глаза, не отрываясь, следили за тенями во мгле.

– Ну же! В лес!

Они послушались. На бегу Краш оглянулся, успев заметить: перед отцом выросла жуткая черная фигура. Существо передвигалось на двух ногах, но человеком оно не было! Отец наискось рубанул мечом, тварь с металлическим звоном отбила удар рукой и прыгнула на отца. Оба покатались на земле, и тьма извергла из себя...

Мальчик не разглядел – кого именно. Казалось, ночь вдруг ожила, ухватила его за шиворот и поволокла дальше. Где-то рядом заходила в плаче Нитта. Вскрикнула мать – крик перешел в задушенный хрип и смолк, словно матери заткнули рот кляпом. Или... При одной мысли об этом страшном «или» ноги грозили подломиться.

Дорогу к горам он запомнил плохо. Перед глазами все время стоял двор, освещенный пламенем, и отец, на которого прыгает двуногая тварь с железными руками. Их тащили к Шаннуранскому кряжу два дня. Вернее, две ночи. В деревне были уверены, что два дневных перехода воинам-а'шури не одолеть: подземные жители не любят и плохо переносят солнечный свет. Даже в лунные ночи они стараются не показываться на поверхности. Так утверждали старейшина Тингам и знахарь Вахур. Одни верили им, другие считали, что никаких а'шури под горами Шаннурана нет, и все это – детские сказки.

Деревня чувствовала себя в безопасности, и зря.

Лазутчики а'шури сумели отыскать дневное укрытие – заброшенные алмазные копи. Там, отправившись в поход, они пересидели день, и там же вместе с захваченными пленниками вновь переждали светлое время на обратном пути. Вроде бы днем а'шури убили и съели кого-то из людей, но сейчас Краш сомневался: правда это или помрачение рассудка? Наверное, разум мальчика так защищался от пережитого ужаса, отказываясь сохранять в памяти наиболее кошмарные моменты.

К исходу второй ночи, когда небо на востоке начало едва заметно сереть, они вошли в подгорный мир Шаннурана.

– Чш-ш-ш...

Краш очнулся от забытья, опять вынырнув из скорбной реки воспоминаний. На сей раз ему не послышалось: бархатный мрак лаза под потолком явственно звучал знакомым шелестом. Сердце дернулось зябликом, угодившим в силки, и забилося часто-часто. Накатил страх, но этому чувству было далеко до той волны дикого, животного ужаса, накрывшей мальчика, когда он впервые услышал шелестящие звуки. К страху примешивалось, почти заглушая его, возбуждение – болезненное и лихорадочное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.